

Пахомова Оксана Николаевна, Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного, кандидат юридических наук

Калининград, ул. Генерала Галицкого, д. 30

E-mail: oksana.39rus@mail.ru

ORCID 0009-0003-9830-0449 <https://orcid.org>

Административная преюдиция в современном уголовном законодательстве России

Аннотация

Введение. В настоящее время происходит масштабное введение в действующее уголовное законодательство норм, имеющих административную преюдицию. Однако такая широкая, но не системная модернизация, как показывает проведенный нами анализ, сопровождается отсутствием единообразного подхода юридической техники в данной сфере, влечет ошибки в толковании и правоприменении.

Методы исследования. Общенаучный, статистический, логический, исторический, сравнительно-правовой, системно-структурный.

Результаты. Понятие и признаки административной преюдиции в уголовном законе не регламентированы, а раскрываются в доктрине и рекомендациях правоприменительных органов.

Административная преюдиция используется законодателем в трех различных формах. Во-первых, путем включения в конструктивные особенности состава «лица, подвергнутого административному наказанию», во-вторых, «неоднократности», и, в-третьих, «злостности».

Проведенный анализ законодательства показал непоследовательное применение «неоднократности» и «злостности» в структуре Уголовного кодекса РФ. Данные признаки используются в нескольких плоскостях. Во-первых, как самостоятельные признаки основного состава (ст. 154, ст. 180, ст. 177 УК РФ), во-вторых, как признаки состава, с административной преюдицией (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ и др.), в-третьих, как признаки состава, с уголовно-исполнительной преюдицией (ст. 314 УК РФ), в-четвертых, применяется законодателем в Общей части УК РФ (для описания общих положений, относящихся к институту наказания: ч. 5 ст. 46 и др.).

В целях совершенствования и систематизации уголовно-правового механизма, регламентирующего административную преюдицию, предлагаем установить общее понятие и признаки данного правового института в рамках Общей части УК РФ. Кроме того, в определенных нормах Особенной части УК РФ следует заменить признаки «неоднократное» и «злостное» на «...

совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное ст. ... КоАП РФ».

Ключевые слова: административная преюдиция, неоднократность, злостность, уголовная ответственность, правовая регламентация

Pakhomova Oksana Nikolaevna, Kaliningrad branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penitentiary, Candidate of Legal Sciences
Kaliningrad, st. General Galitsky, 30

Administrative prejudice in modern criminal legislation of Russia

Annotation

Introduction. Currently, there is a large-scale introduction of norms that have administrative prejudice into the current criminal legislation. However, such a broad, but not systemic, modernization, as our analysis shows, is accompanied by a lack of a uniform approach to legal technology in this area and leads to errors in interpretation and enforcement.

Research methods. General scientific, statistical, logical, historical, comparative legal, systemic and structural.

Results. The concept and signs of administrative prejudice are not regulated in criminal law, but are disclosed in the doctrine and recommendations of law enforcement agencies.

Administrative prejudice is used by the legislator in three different forms. Firstly, by including in the design features of the composition “a person subjected to administrative punishment”, secondly, “repeatedness”, and thirdly, “maliciousness”.

The analysis of legislation showed the inconsistent application of “repeatedness” and “maliciousness” in the structure of the Criminal Code of the Russian Federation. These features are used in several planes. Firstly, as independent signs of the main composition (Article 154, Article 180, Article 177 of the Criminal Code of the Russian Federation), secondly, as signs of the composition, with administrative prejudice (Part 1 of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.), thirdly, as signs of composition, with criminal-executive prejudice (Article 314 of the Criminal Code of the Russian Federation), fourthly, it is used by the legislator in the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation (to describe the general provisions related to the institution of punishment: Part 5 of Article 46 and etc.).

In order to improve and systematize the criminal legal mechanism regulating administrative prejudice, we propose to establish a general concept and characteristics of this legal institution within the framework of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, in certain norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, the signs “repeated” and “malicious” should

be replaced with “... committed by a person subjected to administrative punishment for a similar act provided for in Art. ... Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.”

Keywords: Administrative prejudice, repetition, malice, criminal liability, legal regulation

Введение.

Административная преюдиция несмотря на долгую историю существования в отечественном уголовном праве и законодательстве к 2024 году остается одним из наиболее дискуссионных правовых институтов для теории и правоприменения. Отчасти, такое положение обусловлено тем, что в действующем законодательстве отсутствуют определение понятия, признаков административной преюдиции как полноценного уголовно-правового института, несмотря на то, что данный инструмент, в последнее время, широко внедряется в нормы Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Концепция административной преюдиции в отечественной уголовно-правовой доктрине, а также в уголовном законодательстве разработана достаточно давно. Вопросы становления и развития института административной преюдиции отражены в работах многих отечественных ученых[3]. При этом в доктрине продолжаются оживленные споры о сущности и значении административной преюдиции для уголовного права.

Целью проведения данного исследования является разработка предложений по совершенствованию регламентации административной преюдиции в действующем уголовном законодательстве России на основе проведенного анализа недостатков технико-юридического аппарата в указанной сфере, а также существующих научных разработок в доктрине уголовного права.

Методы исследования: общенаучный, статистический, логический, исторический, сравнительно-правовой.

Обсуждение.

Как известно, в современной доктрине уголовного права существует длительная полемика относительно обоснованности наличия административной преюдиции в системе уголовно-правовых механизмов. Многие авторы подробно анализируют сам предмет споров, например, М. В. Бавсун[1], С.А. Баранова[2], В.В. Хиллота[15]. Также следует отметить обоснованность доводов, как сторонников, например, М. В. Бавсуна [1], О.С. Капинус [8], В.П. Малкова [10], З.А. Незнамовой[11], так и критиков данного института, например, Е.Г. Быковой[5], А.А. Казакова[5], И. В. Дворянская [6], Н.А. Лопашенко [9], Р.А. Сабитова [12], Ю.П. Синельщикова [13], Ю.А. Тимошенко [14].

В целях решения задач, определенных темой данного исследования, отметим наиболее точные и обоснованные, частично внедренные в современное законодательство и правоприменительную практику, доктринальные подходы к сущности, понятию и признакам административной преюдиции.

Наиболее аргументированной и признаваемой в научной среде, по нашему мнению, является позиция, согласно которой сущность административной преюдиции определяется именно повышенной общественной опасностью лица, повторяющего один и тот же проступок, будучи подвергнутым, административному наказанию. Здесь диалектически проявляется известный закон перехода количественных изменений в качественные, отражающий повышение степени общественной опасности такой личности. Поэтому, как отмечает ряд авторов, повторное совершение аналогичного правонарушения должно влечь наступление уголовной ответственности [15].

Само понятие административной преюдиции, раскрывающее ее юридическую суть, детально и аргументировано показано в работах М. В. Бавсуна[1], С.А. Барановой[2], В.В. Хиллоты[15]. Опираясь на труды указанных авторов, можно сформулировать понятие административной преюдиции как совершение лицом, имеющим действующее административное наказание за аналогичное правонарушение, деяния, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ.

С учетом вышеизложенного, к обязательным уголовно-правовым признакам административной преюдиции следует отнести:

- лицо, имеющее действующее административное наказание за совершение аналогичного административного правонарушения;
- совершение таким субъектом аналогичного деяния, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ.

В уголовном законодательстве первые упоминания использования анализируемого института отмечены в Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г.[7] В дальнейшем, в советском законодательстве данная традиция была сохранена и нашла продолжение в 1920-х годах и получила широкое развитие в 1960-1990 годах [4]. В частности, около двадцати составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР (в ред. от 30.07.1996 г.) включали административную преюдицию в качестве своего обязательного признака.¹ Советский законодатель при конструировании уголовно-правовых оснований ответственности за деяние с административно-правовой преюдицией использовал формулировки «если это действие совершено лицом, подвергавшимся административному взысканию за такое же нарушение» или «..совершенные после наложения административного взыскания за такие же правонарушения», в некоторых случаях «если оно совершено лицом, которое в течение года подвергалось административному взысканию за те же действия». При этом, в советском уголовном законодательстве также как и в действующем в настоящее время УК РФ отсутствовали общие дефиниции, закрепляющие сущность и признаки анализируемого правового института.

¹"Уголовный кодекс РСФСР" (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996):

Например: ст. ст.: 156.4. Незаконный отпуск бензина или других горюче - смазочных материалов; 156.5. Нарушение правил торговли; 156.6. Нарушение государственной дисциплины цен; Статья 162. Занятие запрещенными видами индивидуальной трудовой деятельности; 162.1. Уклонение от подачи декларации о доходах; 162.4. Незаконное предпринимательство; 162.9. Незаконное усыновление; 162.10. Продажа подлежащих маркировке марками установленных образцов подакцизных товаров без маркировки марками установленных образцов; 166. Незаконная охота; 166.1. Продажа, скупка, обмен шкурок пушных зверей; 167.2. Самовольная добыча янтаря; 175.1. Нарушение антимонопольного законодательства; 197. Нарушение правил въезда или проживания в пограничной полосе или пограничной зоне; 197.1. Нарушение иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания в СССР и транзитного проезда через территорию СССР; 200.1. Нарушение порядка организации или проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия и пикетирования; 208.1. Организация азартных игр; 224.3. Незаконные приобретение или хранение наркотических средств в небольших размерах; 225.1. Незаконные посев или выращивание масличного мака и конопли; 230.1. Жестокое обращение с животными. // СПС КонсультантПлюс

Как известно, в ходе реформирования уголовного законодательства в 1990-х годах от многих наработок советской эпохи, законодатели решили отказаться. Напомним, административная преюдиция в Уголовном кодексе РФ 1996 года, на момент его принятия, была исключена.

В действующий Уголовный кодекс РФ нормы с административной преюдицией стали активно включаться в последние пять лет. Заметный тренд расширения применения данного инструмента законодательной техники моделирования новых общественно опасных форм поведения подтверждает то, что более трети таких составов были введены за последние два года. Только за 2022 год были включены девять норм, предусматривающих административную преюдицию в качестве конструктивного признака основного состава преступления. Так, в уголовное законодательство РФ только в 2022 году введены статьи: 201.2, 201.3, 264.3, 274.2, 280.3, 282.4, 284.2, 285.5, 285.6; в 2023 году введены статьи 330.3 и 321.1².

В 2023 году тенденция масштабного внедрения административной преюдиции в уголовное законодательство сохранилась и увенчалась введением в декабре 2023 года в УК РФ ст. 321.1 «Передача лицу, содержащемуся в учреждении уголовно-исполнительной системы или месте содержания под стражей, средств мобильной связи и иных средств коммуникации лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость»³.

Итак, только за 2020 - 2023 годы в уголовное законодательство были включены или приобрели признак административной преюдиции более двенадцати составов преступлений (например, ст. ст. 193, 201.2, 201.3., 264.2, 264.3, 274.2, 280.1, 280.3 и др.).

В итоге, к концу 2023 года в действующем Уголовном кодексе РФ насчитывалось уже более 30 норм, включающих административную преюдицию. Это обстоятельство показывает ошибочность прогнозов отдельных авторов о том,

² "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // СПС КонсультантПлюс

³ Федеральный закон от 19.12.2023 N 597-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс

что современный законодатель не сможет достигнуть масштабов советского периода по внедрению административной преюдиции [4].

Об актуальности исследования анализируемого института свидетельствует и динамика правоприменительной деятельности в данной сфере. Так, анализ статистических данных Судебного департамента РФ показывает, что доля лиц, осужденных по составам с административной преюдицией среди всех осужденных выросла с 4,6% в 2009 году до 22 % к 2023 году⁴.

В частности, за последние пять лет стабильно высокой остается доля лиц, осужденных по ч. 1 ст. 157 УК РФ: в 2017 г. – 40273; в 2018 г. – 45751; в 2019 г. – 46864; в 2020 г. - 37732; в 2021 г. – 46958; в 2022 г. – 48934; в первом полугодии 2023 г. - 18383. А также осужденных по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ: в 2017 г. – 3117; в 2018 г. – 3859; в 2019 г. - 4106; в 2020 г. – 4262; в 2021 г. - 5036; в 2022 г. – 5151; в первом полугодии 2023 г. – 2384.

Относительно стабильным остается число лиц осужденных по ст. 151.1 УК РФ: в 2017 г. - 581; в 2018 г. – 569; в 2019 г. - 531; в 2020 г. - 452; в 2021 г. – 549; в 2022 г. – 584; в первом полугодии 2023 г. - 280. При этом волнообразную динамику показывает коррелирующая с ней ст. 171.4. (введена в 2017 г.), по которой осуждено: в 2018 г. – 481; 2019 г. - 919; 2020 г. – 681; 2021 г. – 887; в 2022 г. – 821; в первом полугодии 2023 г. – 356.

Устойчиво снижается численность осужденных по ст. 177 УК РФ: в 2017 г. – 140; в 2018 г. – 137; в 2019 г. – 94; в 2020 г. – 57; в 2021 г. – 81; в 2022 г. – 62; в первом полугодии 2023 г. – 38; осужденных по ч. 1 ст. 282 УК РФ: в 2017 г. – 461; в 2018 г. – 418 (до внесения изменений, включивших в данную норму административную преюдицию); в 2019 г. – 14; в 2020 г. – 7; в 2021 г. – 20; в 2022 г. – 25; в первом полугодии 2023 г. – 6; осужденных по ч. 1 ст. 315 УК РФ: в 2017 г. - 214; в 2018 г. – 194 (до внесения изменений, включивших в данную норму административную преюдицию); в 2019 г. – 4; в 2020 г. – 3; в 2021 г. – 3; в 2022 г. – 1; в первом полугодии 2023 г. - 2

⁴ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2009 – первое полугодие 2023 гг. <http://www.cdep.ru/?id=79>

Статистика показывает «спящий» характер нормы, предусмотренной ст. 215.4 УК РФ, число осужденных по которой: в 2017 г. - 0; в 2018 г. – 0; в 2019 г. – 0; в 2020 г. - 0; в 2021 г. – 0; в первом полугодии 2023 г. – 0⁵.

Приведенные статистические данные позволяют сделать ряд выводов.

В частности, включение в нормы уголовного законодательства административной преюдиции показывает результат взвешенного подхода законодателя, экономии репрессии в отношении определенных деликтов. Например, с момента введения административной преюдиции в ч. 1 ст. 282 УК РФ в 2018 году, как видно из вышеприведенных данных, отмечается кратное снижение числа осуждённых лиц по указанному составу преступления. Поэтому следует согласиться с теми авторами, которые отмечают декриминализующую функцию норм с административной преюдицией [7].

Вместе с тем, снижение числа осужденных по ст. 177 УК РФ, в настоящее время не имеющей административной преюдиции, но включающей оценочный признак злостности, который не имеет однозначного законодательного толкования, может свидетельствовать о необходимости ее дальнейшего совершенствования. Например, путем точного определения границы уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности с помощью административной преюдиции.

Итак, следует признать интенсификацию применения административной преюдии в уголовном законодательстве, а также правоприменительной практике, несмотря на существующие протесты и критику со стороны ряда представителей научного сообщества.

В контексте данного исследования следует признать сложившейся законодательную практику поступательного расширенного включения административной преюдиции в нормы Особенной части УК РФ. Однако такая масштабная, но не системная модернизация, как показывает проведенный нами

⁵ См.: Сводные отчеты статистических данных о состоянии судимости за 2017 – первое полугодие 2023 гг. Форма N 10-а " Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам" // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7900>

анализ, сопровождается отсутствием единообразного подхода юридической техники в данной сфере, влечет ошибки в толковании и правоприменении. Законодатель, по сути, использует функции административной преюдиции в двух плоскостях:

- при введении новых составов преступлений (например, ст. ст. 116.1, 158.1, 171.4, 201.2, 201.3 УК РФ);

- при изменении (модификации) основных признаков уже действующих норм (например, ст. ст. 157, 193, 282, 315 УК РФ).

Кроме того, сама законодательная техника конструирования норм с административной преюдицией включает три варианта их регламентации:

во-первых, через указание в диспозиции статьи на «лицо, подвергнутое административному наказанию», например ст. 116.1. УК РФ;

во-вторых, путем включения в признаки состава «если это деяние совершено неоднократно», например ст. 157 УК РФ;

в-третьих, путем указания на «злостное» уклонение или неисполнение определенных обязанностей субъекта, например ч. 1 ст. 315 УК РФ.

В этой связи возникает вопрос, почему законодатель использует различные термины при описании деяний, имеющих общее основание уголовной ответственности – административную преюдицию?

Также будет неизбежно возникать вопрос о толковании содержания и соотношении признаков «злостности», «неоднократности», «лица, подвергнутого административному наказанию», отражающих сущность административной преюдиции в процессе правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

По нашему мнению, причинами, порождающими вышеназванные вопросы толкования и правоприменения являются не системный подход законодателя к включению норм с административной преюдицией, а также отсутствие законодательного определения таких норм.

В частности, отсутствует законодательное единообразное толкование и использование признака «неоднократность», являющегося конструктивным

элементом ряда составов. В целом, действующее уголовное законодательство использует категорию «неоднократность» двадцать раз в нормах основных, квалифицированных составов преступлений, а также в примечаниях к ним (например, в ст.ст. 151.1., 154, 157, 171.4., 180, 212.1, 215.4, 314.1., в примечаниях к ст. 193 и к ст. 193.1.УК РФ).

Неоднократность в нормах Особенной части УК РФ применяется в трех различных плоскостях. Так, в отдельных нормах, имеющих непосредственно административную преюдицию, законодатель включает неоднократность, давая в примечании к такой статье разъяснение со ссылками на нормы административного законодательства, являющиеся предпосылкой уголовной ответственности в конкретном случае, например, в ст. 151.1 УК РФ. В других случаях, например, в ст. 116.1 УК РФ, признак неоднократности включен непосредственно в диспозицию деяния, предусмотренного частью первой данной нормы. При этом, также применяется ссылка на аналогичные административно-правовые нормы. И, в-третьих, неоднократность используется в качестве самостоятельного признака преступлений, который в уголовном законе не раскрывается, например в ст. 154, 180 УК РФ, а его толкование отводится Пленумам Верховного Суда РФ⁶.

Также не однозначно применяется категория «злостность».

Данный признак используется, во-первых, в Общей части УК РФ для описания общих положений, относящихся к институту наказания: ч. 5 ст. 46 «злостное уклонение от уплаты штрафа», ч. 3 ст. 49 «злостное» уклонение от обязательных работ, ч. 4 ст. 50 «злостное» уклонение от исправительных работ, ч. 5 ст. 53 «злостное» уклонение от отбывания ограничения свободы, ч. 6 ст. 53.1 «злостный» нарушитель порядка, ч. 5 ст. 79 «злостные» нарушения порядка отбывания наказания.

⁶Например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 N 14 "О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака" под неоднократностью понимает «совершение лицом двух и более деяний, состоящих в незаконном использовании товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров» // СПС КонсультантПлюс

Во-вторых, в Особенной части УК РФ для кодификации ответственности в нормах, имеющих административную преюдицию (ч. 1 ст. 315 «Злостное» неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта), а также в нормах с уголовно-исполнительной преюдицией (ст. 314 «Злостное» уклонение лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания).

В третьих, «злостность» выступает как самостоятельный признак в ряде норм УК РФ (ст. 177 «Злостное» уклонение от погашения кредиторской задолженности; ст. 185.1. «Злостное» уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством РФ о ценных бумагах, ч. 2 ст. 315 «Злостное» неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта специальным субъектом). В последней группе «злостных» преступлений, данный признак в уголовном законодательстве не раскрывается, а правоприменитель в такой ситуации вынужден руководствоваться сложившейся судебной практикой или методическими рекомендациями⁷.

Однако, анализ судебной практики показал, правоприменители зачастую произвольно толкуют признак злостности, в частности, предусмотренный ст. 177 УК РФ. Так, в отдельных обвинительных приговорах указаны два эпизода уклонения в течение одного месяца, в других случаях суд указывает на четыре и более эпизода уклонения в течение около 9 месяцев⁸. Такое положение вызвано тем, что в законе нет четких границ, сколько раз надо уклониться и за какой промежуток времени для привлечения к уголовной ответственности по данной статье. Кроме того, несовершенство законодательной конструкции деяния, предусмотренного ст. 177 УК РФ позволяет недобросовестным заемщикам, затягивая сроки исполнения решения суда о погашении задолженности, вообще

⁷ "Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности)" (утв. ФССП России 21.08.2013 N 04-12) (ред. от 03.10.2016) // СПС КонсультантПлюс

⁸ Дело № 1-158/2017 // <https://sud-praktika.ru/precedent/546244.html>; Дело № 10-11421/18: <https://www.mosgorsud.ru/mgs/cases/docs/content/8e086cdf-311d-45d7-9579-8d55fee6d73d>

уходить от ответственности за истечением сроков давности⁹. Поэтому законодателю следует рассмотреть возможность точной кодификации оснований уголовной ответственности за совершение таких деяний. Например, включить превентивную административную ответственность для лиц, являющихся субъектом деяния, предусмотренного ст. 177 УК РФ. При этом в рамках административного законодательства следует четко установить кратность и период уклонения от погашения кредиторской задолженности.

Сложившаяся противоречивая концепция законодательной регламентации категорий неоднократности, злостности, а также вопросов, связанных с уголовной ответственностью за аналогичные административные правонарушения влечет погрешности в толковании и правоприменительной деятельности правоохранительных органов. При этом в ходе дознания и предварительного следствия возникают ошибки, например лицо, одновременно привлекается к ответственности за административное правонарушение и преступление, предусмотренное УК РФ. Так, действия Б. (один удар по уху, хватание за руку потерпевшей, повлекшие физическую боль при отсутствии последствий, предусмотренных ст. 115 УК РФ) одновременно было квалифицированы по ст. 6.1.1 КоАП РФ и по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ¹⁰.

Также допускаются ошибки при квалификации повторно содеянного лицами, имеющими действующее административное наказание за аналогичное деяние. Так, действия Г. (розничная продажа алкогольной, спиртосодержащей продукции в декабре 2019 г., хотя в отношении нее имелось вступившее в законную силу в феврале 2019 г. постановление о привлеченной к ответственности по ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ за незаконную розничную продажу алкогольной спиртосодержащей продукции) были снова квалифицированы как административное правонарушение (ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ), при наличии

⁹ Дело №1-152/17: <https://sud-praktika.ru/precedent/457190.html>

¹⁰ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.02.2023 N 16-467/2023. Процессуальные вопросы: О прекращении производства по делу. // СПС КонсультантПлюс

признаков уже деяния, предусмотренного ст. 171.4 УК РФ¹¹. Основанием уголовной ответственности в данном случае является совокупность всех обязательных признаков, одним из которых является специальный субъект – лицо, имеющее действующее административное наказание по КоАП РФ. Поэтому подобные решения приходится отменять вышестоящим судебным надзорным органам.

Как известно, «наличие технико-юридических дефектов в праве влечет проблемы с применением правовых норм. При этом правоприменительные органы ввиду недостаточной теоретической проработки вопроса правовой дефектности в неполном объеме задействуют разнообразный правовой инструментарий по преодолению дефектов и снижению их негативного действия на правоотношения»¹².

Результаты.

1. В настоящее время происходит не систематизированное масштабное введение в действующее уголовное законодательство норм, имеющих административную преюдицию. Число таких норм в действующем УК РФ, превосходит на одну треть численность аналогичных статей, содержащихся в УК РСФСР 1960 г (в ред. 1996 г.).

2. При этом само понятие, признаки и роль административной преюдиции в уголовном законе не регламентированы, а раскрываются в научных трудах, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, рекомендациях правоприменительных органов.

3. Вследствие этого административная преюдиция, не имея четких законодательно определенных границ, применяется законодателем в трех различных формах. Во-первых, путем включения в конструктивные особенности

¹¹Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 31.01.2022 N 16-185/2022(16-3015/2021) Категория спора: Привлечение к административной ответственности. Требования уполномоченного органа: О привлечении к ответственности по ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции физическими лицами. Решение: Производство прекращено.

¹²Кожокарь И. П. Техничко-юридические дефекты в российском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. П. Кожокарь. – Москва, 2020, С. 4.

состава «лица, подвергнутого административному наказанию», во-вторых, «неоднократности», и, в-третьих, «злостности».

4. Кроме этого, проведенный анализ законодательства показал непоследовательное применение «неоднократности» и «злостности» в структуре Уголовного кодекса. Данные признаки используются в нескольких плоскостях. Во-первых, как самостоятельные признаки основного состава (ст. 154, ст. 180, ст. 177 УК РФ), во-вторых, как признаки состава, с административной преюдицией (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ и др.), в-третьих, как признаки состава, с уголовно-исполнительной преюдицией (ст. 314 УК РФ), в-четвертых, применяется законодателем в Общей части УК РФ (для описания общих положений, относящихся к институту наказания: ч. 5 ст. 46 и др.).

5. На основании изложенного, в целях совершенствования уголовно-правового механизма, регламентирующего административную преюдицию, в нормах Особенной части УК РФ из конструктивных признаков составов преступлений предлагаем исключить признаки:

- «неоднократность» в статьях: 151.1., 157, 171.4., 215.4, ч. 2 ст. 314.1.;
- «злостность» в статье 177 и части 1 статьи 315 УК РФ.

Заменить во всех вышеперечисленных нормах «неоднократное» и «злостное» на «... совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное ст. ... КоАП РФ».

Соответственно, предлагаем включить превентивную административную ответственность для лиц, являющихся субъектом преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ.

С учетом масштабного включения за последние пятнадцать лет норм с административной преюдицией в структуру Особенной части УК РФ, а также в целях приведения к единству юридической техники их конструирования нами предлагается установить общее понятие и признаки данного правового института в рамках Общей части УК РФ:

Административная преюдиция как признак состава преступления, предусмотренного УК РФ - совершение лицом, имеющим действующее

административное наказание за аналогичное правонарушение, деяния, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ.

Обязательными уголовно-правовыми признаками административной преюдиции являются:

- лицо, имеющее действующее административное наказание за совершение аналогичного административного правонарушения;
- совершение таким субъектом аналогичного деяния, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ.

Заключение

Полагаем, что, такой единообразный технико-юридический подход к регламентации системы норм уголовного законодательства, регламентирующего понятие, признаки административной преюдиции решает задачи приведения к целостной логике построения норм уголовного законодательства, минимизации ошибок в процессе их толкования, а также повышения эффективности правоприменительной деятельности в данной сфере.

Библиографический список

1. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе / Бавсун М. В., Бавсун И. Г., Тихон И. А. // Административное право и процесс. - 2008. - № 6. - С. 6-9.
2. Баранова С.А. Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия: особенности конструкции преюдициального состава // Российский следователь. 2021. № 7. С. 30 - 33.
3. Безверхов А.Г. Возвращение "административной преюдиции" в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48 - 53.
4. Безверхов Артур Геннадьевич Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-preyuditsialnost-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossii-istoki-realii-perspektivy> (дата обращения: 11.01.2024).
5. Быкова Е.Г., Казаков А.А. Правовой капкан административной преюдиции в свете изменений уголовного и административного законодательства (на примере ч. 2 ст. 330.1 УК РФ) // Российский судья. 2023. № 4. С. 32 - 36.

6. Дворянсков И. В. Административная преюдиция в уголовном праве // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 153–162. doi: 10.46741/26869764.2023. 62.2.005.
7. Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. N 6. С. 78 - 86.
8. Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: российский и белорусский опыт // Предварительное расследование. 2019. № 2. С. 36-45.
9. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64-71.
10. Малков В.П. Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 185-191.
11. Незнамова З.А. Преступления с административной преюдицией в Уголовном кодексе РФ: коллизии межотраслевого регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 6. С. 20-25.
12. Сабитов Р.А. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 1. С. 84-89.
13. Синельщиков Ю.П. Административная преюдиция в современном уголовном судопроизводстве: теория и практика // Государство и право. 2020. № 1. С. 86-92.
14. Тимошенко Ю.А. Уголовно-наказуемое деяние с административной преюдицией – преступление или административное правонарушение? // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1. С. 214-219.
15. Хилюта В.В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 117-136.

Bibliographic list

1. Administrative prejudice and prospects for its application at the present stage / Bavsun M. V., Bavsun I. G., Tikhon I. A. // Administrative law and process. - 2008. - N 6. - P. 6-9.
2. Baranova S.A. Repeated violation of the established procedure for organizing or holding a public event: features of the design of the prejudicial composition // Russian investigator. 2021. N 7. P. 30 - 33.
3. Bezverkhov A.G. Return of “administrative prejudice” to the criminal legislation of Russia // Russian Justice. 2012. N 1. P. 48 - 53.
4. Bezverkhov Artur Gennadievich Administrative prejudice in the criminal legislation of Russia: origins, realities, prospects // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law. 2011. No. 2. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-prejuditsialnost-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossii-istoki-realii-perspektivy> (date of access: 01/11/2024).

5. Bykova E.G., Kazakov A.A. Legal trap of administrative prejudice in the light of changes in criminal and administrative legislation (using the example of Part 2 of Article 330.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Russian Judge. 2023. N 4. P. 32 - 36.

6. Dvoryanskov I.V. Administrative prejudice in criminal law // Penitentiary science. 2023. T. 17, No. 2 (62). pp. 153–162.

7. Kapinus O.S. Administrative prejudice in criminal law: problems of theory and practice // Journal of Russian Law. 2019. N 6. P. 78 - 86.

8. Kapinus O.S. Administrative prejudice in criminal law: Russian and Belarusian experience // Preliminary investigation. 2019. No. 2. P. 36-45.

9. Lopashenko N.A. There is no administrative prejudice in criminal law! // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2011. No. 3. P. 64-71.

10. Malkov V.P. Repeated offenses and administrative prejudice as a means of criminalization and decriminalization of offenses in Russian criminal law // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2. P. 185-191.

11. Neznamova Z.A. Crimes with administrative prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation: conflicts of intersectoral regulation // Russian law: education, practice, science. 2015. No. 6. P. 20-25.

12. Sabitov R.A. Administrative prejudice in criminal law: pros and cons // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2019. No. 1. P. 84-89.

13. Sinelshchikov Yu.P. Administrative prejudice in modern criminal proceedings: theory and practice // State and law. 2020. No. 1. P. 86-92.

14. Timoshenko Yu.A. Is a criminal offense with administrative prejudice a crime or an administrative offense? // Russian Journal of Legal Research. 2016. No. 1. P. 214-219.

15. Khilyuta V.V. The phenomenon of administrative prejudice in the context of understanding the essence of a crime // Current problems of state and law. 2021. T. 5. No. 17. P. 117-136.

Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. Заявляю об отсутствии конфликта интересов, связанного с публикацией данной статьи в журнале “Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России”. Разрешаю размещение полнотекстовой версии статьи, а также её частей в открытом доступе в сети Интернет, а также на официальных каналах журнала в социальных сетях. При создании статьи не использовались возможности искусственного интеллекта.

«13» февраля 2024 г.

Пахомова О.Н.